

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т О М
XVI

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1958 ЛЕНИНГРАД

В. М. ШТЕЙН

ТРАКТАТ «ГУАНЬ-ЦЗЫ»
И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Более двух тысяч лет тому назад в Китае уже существовал замечательный памятник древней идеологии «Гуань-цзы»,¹ который нельзя не признать первым в мире произведением экономической мысли. В античной и средневековой Европе не было сочинения, в котором на первый план выдвигалась бы, как в «Гуань-цзы», идея систематического регулирования народного хозяйства путем вмешательства в экономику государственной власти. Это вмешательство, по «Гуань-цзы», обусловливается необходимостью стабилизации народного хозяйства путем воздействия на товарные цены выпуском денег. Эти мысли в Китае начали феодальной эпохи, а именно периода «Чжань-го» («воюющих княжеств», 403—221 гг. до н. э.), кажутся настолько необыкновенными для своего времени, что мне представляется полезным сдаться на изложение руководящих идей «Гуань-цзы», сделанное китайским автором Гу Суй-лу на основании 72-й и 73-й глав этого трактата. «Прежние государи отливали деньги из различных металлов исключительно для того, чтобы регулировать цену хлеба. Хлеб — это то, что обеспечивает человеческое существование и имеет поэтому действительную ценность. Цены всех товаров определяются по цене хлеба и именно так: товарные цены понижаются при повышении хлебных цен и наоборот. Но хлеб непригоден в качестве

денег, — вообще не годится в качестве измерителя стоимости. Стоимость денег непостоянна: она высока при плохом и низка при хорошем урожае. В хорошие годы, когда хлеб дешев, крестьянин должен сбывать свой избыток зерна в ущерб себе. Но когда приходит плохой год и крестьянин вынужден покупать хлеб для собственного потребления, то ему уже не удается выручкой от своего зерна хорошего года оплатить возросшую за это время цену хлеба. Отсюда проистекает великая нужда. Однако правительство может предотвратить ее разумной валютной политикой. Правительство должно выпускать различные деньги. При понижении хлебных цен оно должно выпускать плохие (неполнопоченные) деньги, чтобы вызвать повышение хлебных цен... В обратном случае оно изымает плохие деньги из обращения и выпускает вместо них хорошие, чтобы тем самым оказать давление на хлебные цены и облегчить крестьянину покупку хлеба».²

Бэме в работе об экономических воззрениях китайских классиков писал о «Гуань-цзы»: «Рынок характеризуется здесь как экономический барометр... Взгляд относительно равновесия товаров звучит совсем в современном европейском духе. Он повторяется неоднократно и заканчивается вариантом количественной теории». Привожу ряд выражений из «Гуань-цзы», которыми Бэме подкрепляет свое мнение: «Золото является регулятором расходов. Если умеют познать принцип его стоимости, то можно регулировать расходы и сбережения... Одна только бережливость вредит хозяйству, а одни только расходы вредят имуществу. Бережливость понижает стоимость золота и препятствует хозяйственной деятельности. Благодаря расходам повышается стоимость золота, а стоимость покупаемых товаров падает. Таким образом, расходы вредят стоимости товаров».³

Можно резюмировать достоинства трактата «Гуань-цзы» в следующих основных положениях.

1. Этот труд проникнут идеей двойной закономерности. Изменения в природе вызывают смену урожайных и неурожайных годов. Чтобы ликвидировать колебания в хозяйстве, связанные с этой сменой, вступает в силу вторая «закономерность» — сознательная политика государя, действующего при помощи создания запасов и выпуска денег.

¹ Ku Sui-lu. Die Form bankmässiger Transaktionen im inneren chinesischer Verkehr. Hamburg, 1924, стр. 4.

² Karl Böhme. Wirtschaftsanschauungen chinesischer Klassiker Hamburg, 1926, стр. 37. Бэме некритически отождествляет цену со стоимостью.

2. «Гуань-цзы» анализирует не отдельное экономическое явление, а народное хозяйство в целом. Ему принадлежит при этом та заслуга, что он четко противополагает друг другу товарную и денежную массы.

3. Сочинение «Гуань-цзы» чутко отражает дух народного хозяйственного прогресса. В эпоху, когда писался труд «Гуань-цзы», в моде был аскетизм в потреблении, который проповедовали, несмотря на различие социальных позиций, и Конфуций, и Мо-цзы, и Лao-цзы. Для «Гуань-цзы», наоборот, идеалом является возможно более разнообразное и богатое потребление. Развитие народа означает у него повышение уровня жизни. В «Гуань-цзы» неоднократно говорится о том, как бы заставить горные богатства страны служить нуждам всего народа.

4. Пэн Синь-вэй уже отмечено выдающееся место трактата «Гуань-цзы» в истории теории денег.⁴ В нем поставлена проблема роли денег как орудия обращения и измерителя цен. В «Гуань-цзы» мы впервые находим суждения о соотношении денег денег и товаров, о влиянии выпуска денег на их покупательную способность. В «Гуань-цзы» выдвигается необычайно смелая для своего времени мысль, намного опережающая эпоху, о стабилизации товарных цен при помощи выпуска денег.

5. Вместе с тем авторам «Гуань-цзы» совершенно чужды преклонение перед драгоценными металлами, жажда накопления золота. Для них реальным богатством являются лишь товары, непосредственно пригодные для народного потребления. В «Гуань-цзы» прямо сказано: «Если благ недостаточно, то хотя бы золота и жемчуга было много, мы называем такое государство бедным».

6. Главным достоинством трактата «Гуань-цзы» является утверждение гуманной экономической политики. Авторы «Гуань-цзы» особенно заботятся об интересах крестьянского люда.⁵ Они хотят «взять в казну горы и моря», т. е. в первую очередь соляное и железное производство, чтобы освободить народ от налогов. Они настаивают на строгом ограничении барщины. Они проектируют резкое повышение сельскохозяйственных цен, чтобы улучшить благосостояние крестьянства.

⁴ Пэн Синь-вэй. История китайских денег, вып. 1. Шанхай, 1954 (на китайском языке), стр. 50 и сл.

⁵ Возможно, однако, что авторы «Гуань-цзы» руководствовались при этом стремлением добиться большей социальной устойчивости, о которой заботились господствующие классы.

Целью настоящей статьи является изучение влияния трактата «Гуань-цзы» на экономическую литературу ханьского Китая, — особенно II—I вв. до н. э. Именно во времена ханьской династии в Китае при анализе экономических вопросов начинают появляться первые проблески научности. Рассуждения на экономические темы можно встретить и на страницах трактатов Мэн-цзы, Сюнь-цзы и др., а отдельные экономические высказывания современная синология стремится найти и у самого Конфуция. Однако обо всех этих сочинениях можно сказать словами Маркса, удачно отметившего одну общую черту всех идеологий античного периода: «У древних мы не встречаем, — говорит он, — ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает как цель производства, хотя Катон мог вечно заниматься исследованием того, какая обработка полей является наиболее выгодной, или Брут мог ссужать свои деньги за самый высокий процент. Исследуется всегда вопрос: какой способ собственности обеспечивает государству лучших граждан».⁶ Как у античных писателей, так и у Мэн-цзы, несомненно представляющих одну и ту же стадию развития экономической науки, встречающиеся отдельные экономические рассуждения имеют значение прикладной этики. У них не существует экономики как самостоятельной научной дисциплины.

Совсем иное нужно сказать о ханьском периоде. В связи с ожесточеннейшими дебатами по экономическим вопросам в эту эпоху экономическая мысль отрывается от прежней этической основы и становится самостоятельным научным построением. С полным основанием можно говорить о том, что именно в это время возникает экономическая литература. Для своего анализа я использую лишь три работы: 30-ю главу «Исторических записок» Сыма Цзяя, озаглавленную «Пинчжунь» [平準—«О балансе (народного хозяйства)»], известную «Дискуссию о соли и железе» (鹽鐵論) и «Шихо» (食貨—«Экономический раздел о продовольствии и промышленных товарах») из Цзинь-Хань-шу [前漢書—«История первой (или ранней) ханьской династии»]. Все эти литературные памятники написаны в период с II в. до н. э. до I в. н. э. Ими далеко не исчерпывается литература, в которой обсуждались экономические сюжеты. Однако и этих трех

⁶ К. Маркс. О формах, предшествующих капиталистическому производству. Госполитиздат, М., 1940, стр. 14.

6 Ученые записки Инст. востоковедения, т. XVI

сочинений достаточно, чтобы познакомиться с характером экономических взглядов ханьской эпохи.

Особенно ценным для экономиста является Цянь-Хань-шу. В нем запечатлены в законченной и глубоко продуманной форме итоги споров, ведшихся на протяжении десятилетий. Экономические главы из Цянь-Хань-шу — это синтез научной работы поколений. Во всех названных трудах ханьской эпохи и особенно в экономических главах из Цянь-Хань-шу в качестве родоначальника всего этого направления регулирования хозяйства правительством называется «Гуань-цзы», именно из него приводятся обширнейшие выдержки. Отдельные экономические положения этого труда превратились в афоризмы. Дело, конечно, не в самом «Гуань-цзы», а в экономическом мировоззрении той эпохи, что хорошо передается понятием «стабилизация хозяйства».

В известном труде, посвященном переводу ряда глав из Сыма Цяня, Шаванн (может быть, не без некоторой иронии) воспроизводит мнение Ли Хун-чжана, высказанное однажды на банкете, о том, что глава «Пинчжунь» Сыма Цяня и «Шихо» из ханьской династийной истории, составленной Адамом Смита, могут быть поставлены в один ряд с «Богатством Башь Гу, могут быть поставлены в один ряд с «Богатством народов» Адама Смита. Конечно, ошибка Ли Хун-чжана заключалась в том, что он сравнил произведения разных эпох и народов. Тем не менее следует признать, что «Пинчжунь» Сыма Цяня кладет начало направлению экономической мысли, которое далеко опережает все то, что было написано по экономическим вопросам в древнем мире. Сам Шаванн удачно улавливает экономический смысл переведенной им главы «Пинчжунь». Он вспоминает, что под этим именем в Китае были известны особые чиновники, должность которых была установлена около 110 г. до н. э. По словам Шаванна, их обязанность заключалась в поддержании устойчивого порядка (une certaine régularité) в коммерческих сделках. Они должны были обеспечивать стабильность цен (la stabilité des prix) и стремиться к выравниванию или балансированию колебаний торговли (balancer les fluctuations du commerce).⁷ В другом месте Шаванн называет этих чиновников регуляторами тоннажа. Он пишет, что эти чиновники регулировали частную торговлю и заменили ее государственной.

⁷ Les mémoires historiques de Se-Ma Tsien, traduits et annotés par Eduard Chavannes, III. Paris, 1898, стр. 538.

Нетрудно понять, почему именно при Хань идея стабилизации хозяйства могла приобрести такое распространение. Можно отметить три основных причины, вызывавших в широких общественных кругах того времени глубокую тягу к организации хозяйства на прочных основах, потребность добиваться устойчивости экономических отношений. Прежде всего огромные финансовые траты конца II и начала I в. до н. э., связанные с войнами против кочевников, вызвали попытки широкого использования выпуска денег как источника восполнения казначейских средств, и при недостаточном знании государевых деятелей с законами денежного обращения это привело к необычайным прыжкам цен, которыми воспользовались для личного обогащения спекулянты. Такая экономическая обстановка и воспринималась современниками как своего рода экономический хаос, из которого нужно искать выхода методами стабилизации хозяйства.⁸ Во-вторых, по-видимому, именно в те же десятилетия делает большие успехи техника горного дела и начинает быстро развиваться производство металлов и в первую очередь — железа. Литье металла, а также выпаривание соли становятся источниками обогащения для множества частных лиц. Злоупотребления приводят к тому, что железо и соль продаются по высоким ценам, и опять-таки на этой почве создаются широкие возможности частного обогащения. Тогда значительно усиливается идея присвоения государством основных источников соли и железа, для того чтобы, с одной стороны, усилить государственные ресурсы, а с другой — дать возможность населению получить эти предметы потребления по устойчивым ценам. И наконец, ханьская эпоха характеризуется укреплением частной собственности на землю. В результате возникает большая неравномерность в распределении богатств в стране, и это также создает большую неустойчивость экономических отношений, вызывая недовольство широких народных масс. Таковы были важнейшие экономические «злобы дня» в ханьскую эпоху. Они привели к попыткам стабилизировать хозяйство, и это стремление нашло выражение в трактате «Гуань-цзы».

Труд «Гуань-цзы» стал как бы «властителем дум» для экономистов ханьского периода. Однако в связи с господствующими представлениями о том, что находящийся в нашем распоряжении вариант «Гуань-цзы» является «подделкой» позднейшей эпохи, легко может возникнуть подозрение, что трак-

⁸ Там же, стр. 597.

тат, на который ссылаются писатели ханьского времени, и современный его текст не имеют ничего общего и что поэтому судить о содержании ханьского «Гуань-цзы» по тексту, которым мы располагаем в настоящее время, не представляется никакой возможности.

Как известно, существует два мнения по вопросу о подлинности «Гуань-цзы» в синологической литературе. Среди известной части ученых сложилось убеждение, что многие классические произведения китайской древности были «сфабрикованы» в ханьскую эпоху с целью оправдания некоторых мероприятий правительства. «Подделка» классических книг обычно приписывается деятельности Лю Сяна и его сына Лю Синя. Как указывает Карлгрен, Лю Синь был поистине одним из великих людей в китайской литературе. Вместе с отцом они спасли от забвения ряд выдающихся произведений классической литературы и вместе с тем выполнили огромную библиографическую работу.⁹ Неблагодарное потомство превратило этих самоотверженных любителей классической старины в каких-то (если несколько утрировать) создателей фальшивых документов. При стремлении обвинить Лю Синя в массовой подделке книг легко, разумеется, и «Гуань-цзы» признать фабрикацией этой эпохи. Увлечение со стороны ученых разоблачением «фальшивок» доходит до того, что, например, Гу Цзе-ган расписал все 76 сохранившихся глав «Гуань-цзы» по источникам происхождения, причем оказалось, что в составлении отдельных частей «Гуань-цзы» приняли участие представители почти всех течений классической литературы: конфуцианцы, даосисты, легисты, сторонники учения о мужском и женском начале и т. д.¹⁰ Для каждой главы определено также время, когда она была сфабрикована. Весь труд «Гуань-цзы» превращается, таким образом, в механическую сумму гетерогенных статей, лишь случайно, а не закономерно объединенных под общим заглавием. Оказывается, другими словами, что «Гуань-цзы» не имеет своего лица, что в нем нет мировоззрения. Какое может быть мировоззрение в работе, к которой приложили руку враждовавшие между собой не на жизнь, а на смерть научные течения!

Основоположником нового направления, пытающегося реабилитировать классиков, явился Карлгрен. Его кропотли-

⁹ Bernhard Karlgren. The early history of the Chou Li and Tso Chuan text. The bulletin of the museum of far eastern antiquities, № 3, Stockholm, 1931, стр. 1.

¹⁰ Гу-ши-бянь, т. IV, стр. 619—622.

вые исследования¹¹ над текстами Чжоу-ли и Цзо-чжуаня и их комментаторов, в основу которых положен филологический анализ названных классических трудов, открывает новую страницу в изучении классиков. Метод, примененный Карлгреном к анализу Цзо-чжуаня, в частности, заключается в изучении грамматической структуры этого произведения. На основании определения типических грамматических частиц, применяемых в том или ином сочинении, Карлгрен научился различать язык классиков Конфуция, Мэн-цзы и других от языка Цзо-чжуаня и от отличного от обоих языка литературы IV—III вв. до н. э. Карлгрен пришел к выводу, что Цзо-чжуань (а вместе с ним родственный ему, хотя и не идентичный по языку Го-юй), относится к периоду между 468 и примерно 300 гг. до н. э. Гораздо меньше внимания уделил Карлгрен вопросу о возрасте «Гуань-цзы». Карлгрен вступает все же в полемику с Масперо, чтобы доказать, что этот труд является подлинным, а не поддельным документом и что правильнее всего датировать его поздней эпохой Чжоу. Признавая сходство в некоторых частях труда «Гуань-цзы» с «Историческими записками» Сыма Цзяня, Карлгрен сличением текстов этих памятников с Цзо-чжуанем стремится доказать, что во всех этих случаях перед нами параллельные тексты у Сыма Цзяня, в «Гуань-цзы» и в Цзо-чжуане, причем «Гуань-цзы» ближе к Цзо-чжуаню, чем к Сыма Цзяню. Карлгрен не склонен даже считать текст Цзо-чжуаня древнейшим по сравнению с «Гуань-цзы». Он сам указывает, что он исследовал значительное количество выдержек, которые являются общими у «Гуань-цзы» с целым рядом древних авторов и до сих пор не нашел ни одной выдержки, которая явно свидетельствовала бы о том, что версия «Гуань-цзы» является вторичной.

Когда мы обращаемся к изучению литературы ханьского периода, становится очевидным, что текст «Гуань-цзы», даже в том его виде, в каком он в настоящее время находится в нашем распоряжении, был первоисточником для ряда произведений. Можно даже определенно наметить последовательность, с которой идеи «Гуань-цзы» внедрялись в научный обиход ханьской эпохи. Насколько я могу судить, первое

¹¹ Здесь имеются в виду три работы Карлгрена: 1) On the authenticity and nature of the Tso Chuan. Göteborgs Högskolas Arsskrift, XXXII, 3, 1926; 2) The authenticity of ancient Chinese texts. The bulletin of the museum of far eastern antiquities Stockholm, 1929, № 1; 3) уже цитированная работа «The early history of Chou Li and Tso Chuan text».

упоминание о политике стабилизации хозяйства мы встречаем у Сыма Цяня. Как известно, Сыма Цянь писал свои «Исторические записки» на склоне своей жизни, оборвавшейся в 88 г. до н. э. Это было как раз в период наибольшего расцвета правительственной деятельности Сан Хун-яна, который, по-видимому, и был главным инициатором привлечения идеи «Гуань-цзы» к обоснованию политики вмешательства в экономическую жизнь страны. Сан Хун-ян был крупным реформатором экономики и особенно финансовой системы Китая в ханьский период. Расцвет деятельности Сан Хун-яна относится к периоду от 115 г., когда он осуществил свою известную реформу «Цзюнь-шу-фа»,¹² и до его смерти в 80 г. Таким образом, Сыма Цянь, по-видимому, писал свои «Исторические записки» и, в частности, главу о балансировании («Пинчжунь») под свежим впечатлением только еще начавшей развиваться идеологии «цинчжун». Поэтому упоминание о Гуань Чжуна появляется у него лишь в самом конце главы, вскользь, нарушая стройность исторической канвы повествования, которой Сыма Цянь строго придерживается. Идея «цинчжун»,¹³ т. е. «легкое и тяжелое», что как раз и обозначает стабилизацию, дается здесь Сыма Цянем лишь в самой общей форме, без расшифровки. Сыма Цянь говорит об использовании князем Хуанем идеи Гуань Чжуна о регулировании хозяйства посредством стабилизации: 通輕重之權管仲之謀. О политике стабилизации, связываемой с именем «Гуань-цзы», Сыма Цянь говорит и в 129-й главе своего труда: 齊中衰管子修之設輕重九府. «Цинчжун» связывается здесь с организацией 9 казнохранилищ. Известно, что Гуань Чжуна приписывается, помимо имеющегося в наших руках трактата, еще и другое сочинение «九府», ныне утерянное. Часть текста 129-й главы, непосредственно следующая за только что приведенной выдержкой, по-видимому, представляет воспроизведение или пересказ мыслей «Гуань-цзы». Но во всяком случае чтение Сыма Цяня создает впечатление, что в момент написания «Исторических записок» «Гуань-цзы» только еще начинал приобретать популярность.

Тем удивительнее, что буквально через несколько лет после того, как Сыма Цянь написал свой труд, происходит «Дискуссия о соли и железе» (81 г. до н. э.), и в этой ди-

¹² Реформа «Цзюнь-шу-фа» основывалась на использовании государственного транспорта для передвижения товаров в районы дороговизны в целях снижения и стабилизации товарных цен.

¹³ О соотношении терминов «пинчжунь» и «цинчжун» сказано ниже.

скуссии идеям «Гуань-цзы» отведено самое выдающееся место. «Дискуссия о соли и железе», как известно, была как раз посвящена обсуждению экономических мероприятий Сан Хун-яна, причем в дискуссии, с одной стороны, выступают Сан Хун-ян и его приближенные, а с другой стороны, конфуцианские ученые, вызванные специально для того, чтобы оценить правильность политики Сан Хун-яна с точки зрения конфуцианских принципов. Тогда как ученые опираются в своих суждениях на авторитет Конфуция, для Сан Хун-яна и его ближайших сподвижников главным источником, из которого они черпают аргументы, является именно «Гуань-цзы». Выдвигая это положение, мы расходимся с мнением, высказанным переводчиком «Дискуссии о соли и железе» Гэлом, специально исследовавшим вопрос о цитатах, фигурирующих в «Дискуссии». Он обнаружил всего 129 «прямых цитат», из которых $\frac{4}{5}$ исходят от конфуцианских ученых. Гэл отмечает «немногочисленность цитат или полное игнорирование сочинений экономической и юридической школы, как она представлена Гуань-цзы, Шан Цзюнь-шу и Хань Фэй-цзы, труды которых были в обращении во времена Сыма Цяня».¹⁴

Нельзя не отметить, что Гэл подошел к своей задаче исследования литературных влияний, как они отразились в «Дискуссии», чисто формально. Там, где современный текст расходится хотя бы даже в деталях с приводимой в «Дискуссии» выдержкой или где дается лишь пересказ какого-нибудь источника, Гэл не усматривает цитирования. Между тем естественно предположить, что такой благовейно охраняемый от искажений памятник, как Лунь-юй должен был в неизмеримо большей степени совпадать с современным его текстом при цитировании, чем «Гуань-цзы», который являлся объектом для литературных экспериментов любого переписчика. Дело ведь не в точности цитат, а в использовании текста того или другого памятника в самом широком смысле. Сличение Янь-те-луния с «Гуань-цзы» обнаруживает следы чрезвычайно глубокого влияния «Гуань-цзы» на выступавших в дискуссии сторонников вмешательства в экономическую жизнь. «Гуань-цзы» в такой же мере был авторитетом, на который опирались Сан Хун-ян и его сторонники, в какой Конфуций был использован в качестве авторитета учеными, выступавшими против экономического вмешательства.

¹⁴ «Discourses on salt and iron» by Esson Gale. Leyden, 1931, стр. XLVIII.

Не подлежит сомнению, что именно концепции «Гуань-цзы» отражаются в первых 10—12 главах «Дискуссии о соли и железе», причем с особой рельефностью это проявляется в терминологии. Укажу, в частности, что во 2-й главе пропагандируется типичная для «Гуань-цзы» идея контроля в пользу народа над колебаниями экономики в результате смены времен года (*守時以重御民*). В благоприятные годы намечается политика формирования запасов, а в годы недорода практикуется выпуск денег. В той же 2-й главе воспроизводится интересный образ, которым пользуется «Гуань-цзы», чтобы объяснить сущность политики регулирования. Если в стране хозяйство движется вверх, правительство должно тянуть вниз, если страна идет вниз, государь должен тащить ее вверх, если в стране тенденция к дорогоизнне, власти должны стремиться к удешевлению и т. д.¹⁵ В «Дискуссии о соли и железе» почти дословно повторяется формулировка этой мысли из современной 81-й главы «Гуань-цзы». В том же сочинении подчеркивается и та существенная для «Гуань-цзы» идея, что государь не должен допускать больших различий в имущественном положении народа, так как на богатых нельзя воздействовать денежными наградами, а на бедных — страхом наказания. Эта мысль выражена в обоих источниках почти тождественными фразами. Понятие регулирования хозяйства, играющее большую роль в «Гуань-цзы», пронизывает и всю концепцию, защищаемую представителями правительства в Янь-те-луне, причем и термины для обозначения регулирования в обоих памятниках в значительной мере совпадают. В этом отношении особенно явственный параллелизм можно обнаружить в современной 73-й главе «Гуань-цзы» и 4-й главе Янь-те-луни, которая в ханьский период передавала, по-видимому, довольно точно текст «Гуань-цзы», относящийся к проблеме стабилизации. Несмотря на некоторые перестановки и замену иероглифов, родство обоих текстов отрицать невозможно. В «Гуань-цзы» сказано: 故人君挾其食守其用據有餘而制不足. В Янь-те-луне аналогичный текст имеет следующую структуру: 故人主積其食守其用制其有餘調其不足.¹⁶ Такие термины, как 守, 制, 調, обозначающие воздействие на обществен-

¹⁵ 善爲國者天下之下我高天下之輕我重. Гэл (ук. соч., стр. 14), как мне представляется, ради литературной формы опускает основное содержание этого отрывка, переводя так: «I honor what the whole world despises and value what the whole world slight».

¹⁶ В обоих текстах говорится о регулирующей деятельности казны, направленной на устранение избытков и недостатка.

ные отношения, несомненно заимствованы из богатого арсенала обозначений регулирования в «Гуань-цзы». Стоит также отметить, что 14-я глава специально озаглавлена «Цинчжун», чтобы подчеркнуть связь дискуссии с острыми спорами ханьской эпохи вокруг проблемы стабилизации.

В «Дискуссии о соли и железе» легко проследить также за тем, как отдельные положения «Гуань-цзы» превращаются в подлинные афоризмы. Такой характер приобретает, например, предложение «Гуань-цзы» о «взятии в казну доходов гор и морей». Оно повторяется в «Дискуссии о соли и железе» неоднократно: 官山海之利, т. е. «присвоение государством доходов от гор и морей», — сказано в 6-й главе. Эта формулировка наиболее близка к «Гуань-цзы». 擅山海之則 — в таком виде эта мысль встречается в главе 2-й. А в главе 9-й дается новая версия: 擅魚鹽之利. Интересно, что в последней выдержанке вместо «гор и морей» фигурирует «рыба и соль», — именно не «соль и железо», как чаще всего встречается в «Дискуссии», а «рыба и соль». Это словосочетание было привычным для древних китайцев и, по-видимому, предшествовало возникновению бинома «соль и железо». Во всяком случае в ханьские времена положение «Гуань-цзы» о взятии в казну доходов гор и морей стало разменной монетой.

Как уже сказано, Цянь-Хань-шу дает квинтэссенцию экономического мировоззрения «Гуань-цзы». Экономическая глава этого сочинения разделена на две части, причем в первой из них речь идет преимущественно об аграрном строе, экономическом положении крестьянства и т. д., тогда как вторая часть посвящена преимущественно денежным экспериментам ханьской эпохи и вопросам рыночного регулирования. «Гуань-цзы» упоминается в обеих частях, но несомненно, что гораздо больше внимания ему отведено во второй части. В конце главы «Шихо» описывается чрезвычайно интересная история попыток вмешательства в экономическую жизнь страны. «Гуань-цзы» рассматривается как признанный глава всей этой системы. Вслед за ним упоминаются Ли Куй, Сан Хун-ян и Гэн Шоу-чан (... 管氏之軒重李悝之平羅弘羊均輸壽昌常平). Таким образом, у экономистов ханьской эпохи уже сложилось представление об известной закономерности в развитии самой идеи регулирования.

Сопоставление второй части «Шихо» из Цянь-Хань-шу с современным текстом «Гуань-цзы» может служить наиболее убедительным конкретным доказательством того, что находящийся в наших руках текст «Гуань-цзы» несомненно является близким к тому варианту этого сочинения, который был рас-

пространен в ханьскую эпоху. Можно с уверенностью сказать, что из существовавшего при Хань текста «Гуань-цзы» лучше других сохранилась 73-я глава. В самом деле, если сопоставить имеющийся в нашем распоряжении текст 73-й главы с текстом Цянь-Хань-шу, нетрудно убедиться в том, что в последнем памятнике приведены в довольно значительном масштабе непосредственные выдержки из «Гуань-цзы», который во второй части главы «Шихо» является, по-видимому, одним из важнейших источников наряду с Сыма Цианем, на котором эта глава основана.¹⁷

Чрезвычайно интересно сравнить имеющийся в нашем распоряжении текст «Гуань-цзы» с текстом Цянь-Хань-шу, подлинность которого никем не оспаривается. В Цянь-Хань-шу сделана перестановка части текста «Гуань-цзы», но в целом совпадение является поистине поразительным. Однако в одном месте мы видим также довольно существенное искажение текста «Гуань-цзы»: как раз в том месте, где в Цянь-Хань-шу дается определение политики «цинчжунь», о которой говорится у Сыма Цианя, в текст «Гуань-цзы» неожиданно вторгаются рассуждения, смысл которых остается довольно темным. Приходится предположить, что эта вставка — результат «творчества» позднейших переписчиков. В самом деле, воспроизведем здесь эти различные тексты двух памятников. Отметим прежде всего, что ряд совпадающих фраз отражает типичную для «Гуань-цзы» концепцию относительно необходимости сосредоточения в руках правительства значительных товарных фондов с целью воспрепятствования колебаниям рыночных цен. В центре всего этого текста в «Шихо» сказано: 輕重斂散之呂時則準平, т. е. «удешевлять и удорожать, сосредоточивать и рассеивать сообща» с сезоном это и есть балансирование (хозяйства). разно с сезоном это и есть балансирование (хозяйства). В этой выдержке — сокровенный смысл экономического построения «Гуань-цзы». Вместе с тем она дает основание поставить знак равенства между понятиями «цинчжунь» и «пинчжунь» или «пинчжунь». Вместо этой краткой и выразительной фразы в современном тексте «Гуань-цзы» оказывается следующее рассуждение: 斂積之以輕散行之以重故君必有什倍之利而財之權可得而平也月輕重之人利以重射輕以賤池平萬物之滿虛隨財准平而不變衡絕則重見人君知其然故守之以准平. В переводе этот текст гласит: «Накопление фондов в период депевизны и рассеивание их (в обращении) в период дороговизны — это дает госу-

¹⁷ Влияние той же 73-й главы «Гуань-цзы» отчетливо проявляется и в современном тексте Янь-те-луня.

дарю удесятеренные прибыли, а распространение богатства может быть достигнуто и закреплено. Ведь великая выгода стабилизации состоит в том, что тяжелым «стреляют» в легкое и, применяя депевизну, распространяют устойчивость. Изобилие и недостаток всех (10 тысяч) вещей стоит в зависимости от богатства. Добиваться (устойчивого) уровня, который не подвергался бы изменениям, регулировать баланс сверху это значит ценить высоко. Настоящий государь понимает это хорошо. Поэтому он устанавливает контроль, чтобы добиться устойчивого уровня». Хотя эта выдержка в целом построена на тех же принципах, что и вся 73-я глава, но в ней вводятся и новые понятия, как например изображение методов сосредоточения богатства в руках правительства как «выстреливания» дорогим в дешевое. Приведенный текст «Гуань-цзы» ценен тем, что на его примере можно получить совершенно реальное представление о том, как происходит процесс искажения текста в результате «обработки» его переписчиками. Мы видим (по крайней мере в данном случае), что первоначальный текст не исчезает совершенно, а лишь видоизменяется из-за посторонних напластований. Мысль, заложенная в тексте, остается, но к ней присоединяются ответвления, которых раньше не было. Не следует обобщать этот пример. Но он все же глубоко поучителен, так как доказывает, что если бы у нас в руках был текст «Гуань-цзы» ханьской эпохи, можно было бы, вероятно, обнаружить еще гораздо более значительное его влияние на такие памятники, как Сыма Циань, Янь-те-лунь, Цянь-Хань-шу и др. Полезно будет сделать еще один частный вывод. Сопоставление приведенных текстов показывает, что, по-видимому, первоначально в «Гуань-цзы» более или менее широко применялся термин «пинчжунь» (平準), но позднейшие переписчики заменили его другим (准平), который должен рассматриваться как эквивалент «пинчжуня».

Задимствования в «Шихо» из Цянь-Хань-шу у «Гуань-цзы» далеко не ограничиваются приведенным обширным и сплошным текстом. Как и в Янь-те-луне, имеется ряд общих положений, фраз, афоризмов, совпадающих полностью или частично с «Гуань-цзы». Так, в Цянь-Хань-шу выражено лишь другими словами типичное для «Гуань-цзы» положение, что если один крестьянин не поработает в поле, то кто-то должен голодать, если одна крестьянка не будет заниматься ткачеством, то кому-то не хватит одежды. Один из афоризмов «Гуань-цзы» заключается в том, что если казенные амбары полны, то народ знает правственный принцип и блюдет дисциплину. Это полу-

жение повторяется и в главе 1-й, и в главе 80-й «Гуань-цзы». Мы находим его дословно воспроизведенным в первой части экономической главы из Цянь-Хань-шу. Укажу еще на повторение другими словами в Цянь-Хань-шу мысли «Гуань-цзы» о том, что деньгами нельзя накормить голодного и в них нельзя одеть страдающего от холода. По-своему воспринимается также в ханьской литературе попытка «Гуань-цзы» разделить денежные знаки на высшую, среднюю и низкую категории, хотя нужно признать, что самый выбор этих знаков для разных категорий в «Гуань-цзы» и у писателей ханьской эпохи не всегда совпадает.

Отмечу еще, что в 91-й главе Цянь-Хань-шу имеется ссылка на рассуждение «Гуань-цзы» о 4 классах народа, причем и в данном случае обнаруживается значительная близость между текстом Цянь-Хань-шу и современным текстом «Гуань-цзы». В Цянь-Хань-шу сказано: 管子云古之四民不得雜處. В самом же трактате «Гуань-цзы» текст имеет такой вид: 管子對曰士農工商四民者國之石民也不可使雜處.¹⁸ Сходство этих текстов не может вызвать сомнений. В обоих памятниках предусматривается, что крестьяне должны жить поближе к обрабатываемым полям (田野 — в «Гуань-цзы», 田墻 — в «Цянь-Хань-шу»), ремесленники — к казенным складам (官府 — в обоих источниках), торговцы — к рыночной территории (市井 — в обоих источниках) и ученые — в спокойном, уединенном месте (間燕 — в «Гуань-цзы» и 間宴 — в Цянь-Хань-шу).

Можно считать бесспорным, что понятие «цинчжун» возникло не сразу. Изучая эволюцию экономической терминологии древнего Китая, мы можем легко установить, что первогороди древнего Китая, мы можем легко установить, что первоначальным зародышем, из которого развилась идея стабилизации хозяйства, т. е. «цинчжун», был термин 均平 или 平均 — «цзюньпин» или «пинцзюнь». Глубочайшая принципиальная разница между обоими понятиями заключается в том, что практика «цзюньпина» или «пинцзюня» возникла и развилась, по-видимому, вне всякого представления об общественных закономерностях, между тем именно эта идея определяет социально-философское мировоззрение «Гуань-цзы». В основе начала «пинцзюня» лежало стремление исправить несовершенство хозяйства эмпирическими методами. Подлинная пропасть отделяет в этом отношении «цинчжун» от «цзюньпина» или «пинцзюня». Для того чтобы люди ханьской эпохи могли

¹⁸ В обоих текстах речь идет о том, что все четыре категории населения, на которые делится народ, т. е. ученые, крестьяне, ремесленники и куины, не должны жить отдельно друг от друга.

перейти на позиции «цинчжун», должны были произойти, на наш взгляд, следующие важнейшие события. Прежде всего благодаря объединению Китая создалось мощное относительно централизованное государство с довольно высоким уровнем развития производительных сил. Возникшие на этой основе значительные торговые сношения позволяют говорить о создании общекитайского рынка в зародыше. Далее, как уже отмечено, примерно с середины первой ханьской династии рождаются рискованные денежные эксперименты, приводящие к неумеренным колебаниям цен. Эти явления не только вызывают повышенный интерес к экономике, но и формируют стремление найти выход из этой экономической смуты на путях стабилизации хозяйства. Наконец, к этому же времени, по-видимому, относится и созревание представлений об известных структурных пропорциях в экономике, являющихся необходимой предпосылкой для возникновения учения о закономерности экономической жизни. Этот последний пункт требует специальных разъяснений.

Именно ко временам ханьской династии и предшествующему ей периоду «Чжань-го» относится возникновение убеждения о том, что в экономике существуют известные устойчивые взаимозависимости, нарушение которых не может пройти безнаказанно для благополучия государства. Эти представления в китайской литературе той эпохи чаще всего ассоциируются с именем Ли Кую (Ли Куй жил до Хань, но его экономические взгляды известны нам из ханьской династийной истории и носят на себе отпечаток ханьской эпохи). Ли Кую прежде всего приписывается формулировка (по-видимому, первая в мире) о структуре крестьянского бюджета. В «Шихо» из Цянь-Хань-шу приводится и самый цифровой расчет этого бюджета, который должен показать, что при среднем урожае крестьянин собирает совершенно недостаточное количество хлеба. Этого хлеба так мало, что после уплаты налога и вычета зерна на собственное потребление крестьянин не в состоянии даже оплатить расходы на приобретение одежды, не говоря уже о похоронных и других обрядовых расходах. Таким образом, Ли Куй показывает, что постоянный, хронический дефицит внутренне, имманентно присущ крестьянскому бюджету при сложившихся в современном ему Китае структурных особенностях хозяйства. С другой стороны, Ли Куй изучает также влияние на положение трудящегося люда погодных колебаний урожайности. Он различает годы с высоким, средним и низким урожаем, а также годы слабого, среднего и жестокого недородда и анализирует затем положение крестьян

при каждом из этих случаев. В Чжоу-ли можно найти известную аналогию этим выкладкам Ли Кую в том разделе, где говорится о различных масштабах урожайности на землях неодинакового плодородия и устанавливается затем, какое количество солдат или вообще труда для принудительных работ в пользу государства правительство может получить в каждой крестьянской семье в зависимости от того, на земле какого качества данная семья живет. Так, на землях высшей категории (上地) семья должна состоять из 7 человек, из которых трое могут быть привлечены к отбыванию государственной барщины.¹⁹ Изучение подобных структурных пропорций в экономике было одной из важнейших предпосылок для возникновения представления о закономерности экономической жизни. Недаром в современной китайской литературе имени Ли Кую и «Гуань-цзы» ставятся рядом.

В дальнейшем изложения будет сделана попытка проследить за отдельными этапами превращения идеи частичного выравнивания экономических отношений в общее начало регулирования с целью стабилизации хозяйства. В качестве предыстории можно взять труд Мэн-цзы. Он относится к тому времени, когда понятие «цзюньпин» или «пинцзюнь» еще не сложилось окончательно. Следует предположить, что оно сформировалось в качестве бинома лишь позднее. Мэн-цзы употребляет термины «пин» и «цзюнь» отдельно, и притом они встречаются у него довольно редко. Мэн-цзы пробует по памяти восстановить идеальную систему жалований или доходов. Если вчитаться в нее, мне кажется, нетрудно понять, что речь идет о наделении землей магнатов и чиновников таким образом, чтобы хлебное довольствие с этих земельных владений в точности соответствовало положенной норме. Речь идет о магнатах и чиновниках как о рентополучателях. Это приписывание земельных территорий представителям господствующего класса обозначается термином «предоставление земли в управление» (制地). Однако Мэн-цзы употребляет и более определенный термин: 受地, т. е. «приобретение земли». Таким образом, сопоставление текстов из Мэн-цзы легко убеждает в том, что государство награждало доходами удельных князей или чиновников именно в форме наделения землей. Таким образом, когда мы встречаем у Мэн-цзы термин «наследственное жалованье» (ши-лу — 世祿) или «хлебное жалованье» (гу-лу — 穀祿), нужно понимать, что Мэн-цзы говорит не о действительной выдаче из казны денежного или натурального довольствия, а лишь о приписке к лицам, имеющим на то право, земельных владений. Кстати сказать, в Китае как будто не было обычая наделения землей приближенных правителя, количественно в строго ограниченных масштабах. Это скорее индийская традиция. Как показывает индийский автор Гхосал, эта практика существует с древних времен. Соответствующее место мы находим в законах Ману и в Махабхарате, и оно, по-видимому, заимствовано в обоих памятниках из более древнего источника. Здесь речь идет о системе вознаграждения местных администраторов. Тот, кто управляет 10 деревнями, получает одну «кулу» земли (это означает участок, который может быть обработан при помощи 12 волов), управляющий 20 деревнями — 5 «кул», управляющий 100 деревнями — одну деревню, управляющий 1000 деревень — один город.²⁰ Несомненно, совершенно аналогичная мысль лежит в основе всего построения Мэн-цзы. Но у него вся эта конструкция имеет, так сказать, двухэтажный характер. Инвентаризация земельных жалований идет сразу в двух направлениях: для магнатов и чиновников, причем декретируется равенство между разными категориями князей и сановников. Затем устанавливается строгая пропорциональность самих доходов, получаемых с земли. Так, высший сановник, а следовательно, и князь высшего ранга не должен получать более десятой доли того, что причитается государю. Затем снижение доходов прослеживается по всей иерархической лестнице. Внизу этой лестницы стоит крестьянин, обрабатывающий поле. Жалованье, или доход, самого низшего чиновника и должно регулироваться размерами урожая, собираемого крестьянином. Другими словами, низший чиновник должен получать ровно столько, чтобы его жалованье компенсировало ему отказ от земледелия.

Подход Мэн-цзы к проблеме выравнивания крайне своеобразен. Он выбирает в качестве исходного пункта выравнивание границ или же между участками земли, связывая с этим моментом какое-то равенство или во всяком случае пропорциональность в получении жалований или доходов от государства. Когда собеседник ставит перед ним вопрос о «земельных квадратах», Мэн-цзы отвечает, что если не будут выправлены границы, то и земельные квадраты не будут

¹⁹ Кстати сказать, Чжоу-ли вводит особый термин для людей, могущих отывать государственную барщину: қэ-жэнь-е-чже-цзы — 可任也者家.

²⁰ U. N. Ghoshal. The agrarian system in ancient India. Calcutta, 1930, стр. 9.

равновеликими и хлебное довольство не будет одинаковым (輶界不正井地不均穀祿不平). Характерно, что Мэн-цзы избирает при этом для обозначения желательного результата выравнивания межей тот самый термин 『正』, которым Конфуций пользуется для установления идеи «выправления имен». Уже отсюда можно заключить, что для самого Мэн-цзы дорога не идея равенства сама по себе, а возникающая благодаря выравниванию возможность «выправления» экономических отношений, устранения уклонений их от нормы. Уклонение от нормы это то, что больше всего беспокоит всякого конфуцианца. Идея Мэн-цзы несомненно заключается в том, чтобы экономическое положение каждого представителя знати строго соответствовало его социальному рангу, его месту на иерархической лестнице. Поэтому-то он и говорит о том, что если распределить земли по норме и тем самым выравнять доходы, то можно добиться устойчивости (分田制祿可坐而定).

Мне кажется, что до сих пор не был вскрыт смысл высказываний Мэн-цзы о выравнивании земельных отношений. Их связывали главным образом с позднейшими спорами о колодезной системе, которую было бы точнее называть системой земельных квадратов. В действительности же мысль Мэн-цзы движется совсем в иной плоскости. Его концепция: «всяк сверчок знай свой шесток». Магнаты и чиновники должны получать доходы, точно зафиксированные для каждого из них в зависимости от его положения. Если кто-нибудь вырывается за пределы положенного для него, он начинает представлять социальную опасность. Естественно, что этой идеи не могли сочувствовать удельные князья, против которых она была направлена. Поэтому Мэн-цзы и объясняет, что князья приняли все меры для того, чтобы уничтожить письменное отображение этого идеального порядка, при котором каждый получает как раз столько, сколько ему положено по рангу.

В целом можно сказать, что у Мэн-цзы проблема выравнивания хозяйственных отношений всецело подчинена общему строю конфуцианских идей. Выравнивание является у него в гораздо большей степени нравственным, чем экономическим или даже социальным понятием. Важно, чтобы не нарушался порядок, основанный на «добротелии». Однако неизбежно уже у Мэн-цзы понятие выравнивания приобретает и оттенок социальной категории. Этот незаметный переход совершается следующим путем. Мэн-цзы считает, что система норм, которыми государь руководствоваться, чтобы не уклоняться от нравственного пути, охватывает и взаимоотношения

между государем и плательщиком налогов. Мэн-цзы исходит из того, что идеальной мерой обложения является десятина. Если государь взимает с подданного больше или меньше этой величины, идеальный порядок неизбежно нарушается. Таким образом, представление о выравнивании экономических отношений охватывает и известное установление нормы обложения. Рационализации обложения и этической оправданности всей системы налогов Мэн-цзы, как известно, придавал первенствующее значение.

Вторым, вслед за Мэн-цзы, этапом в развитии понятий о хозяйственном выравнивании можно признать Чжоу-ли.²¹ Все построение этого сочинения показывает, что оно родилось в эпоху наибольшего обострения борьбы между удельными князьями за власть. Эта книга буквально пронизана стремлением добиться наибольшей мобилизации финансовых ресурсов страны (или, точнее говоря, княжества), чтобы можно было бросить эти средства в качестве одного из козырей в политической игре. В бесчисленном количестве вариантов перед читателем проходят проекты обложения отдельных категорий населения, привлечения его к несению повинностей в пользу государства, отбывания барщины и т. д. С целью облегчения разрешения этой задачи авторы Чжоу-ли объединяют население в группы по территориальному признаку и по его численности (по количеству людей и семей). При такой целеустремленности Чжоу-ли задача выравнивания хозяйственных отношений в смысле устранения уклонений от нормы полностью сохраняется. Выравнивание, передаваемое термином «цзюнь» (均), — одна из важнейших категорий во всем арсенале понятий Чжоу-ли (иногда встречается и бином «цзюнь-пин», но он имеет второстепенное значение). Для выравнивания создается даже особый тип чиновников — «цзюньжэнь» (均人). В тексте Чжоу-ли можно найти по крайней мере три варианта использования термина и понятия выравнивания. Во-первых, основное содержание Чжоу-ли сводится, как известно, к перечислению функций многочисленного чиновничества, выполняющего волю своего государя. Чжоу-ли делает попытку определить в общей форме цели всей этой регулирующей деятельности государственных органов. Они заключаются в установлении длительного устойчивого порядка. Среди многочисленных терминов, которыми в Чжоу-ли обозначается это направление деятельности государя (в сторону

²¹ Чжоу-ли, по-видимому, скорее всего следует считать памятником ханьской эпохи.

7 Ученые записки Инст. востоковедения, т. XVI

мира, устойчивости и преуспеяния), фигурируют в отдельности и «пин», и «цзюнь». Среди других задач указываются, между прочим, и следующие: 以平邦國以正百官以均萬民.²²

Второе направление мысли, которое можно отметить в Чжоу-ли в связи с идеей выравнивания, заключается именно в деятельности особых чиновников, призванных добиваться соответствия фактического обложения и несения повинностей с нормами. При этом «выравнивающая» деятельность чиновников распространяется и на систему земельного управления 地政, и на сторожевую службу населения 地守, и на промыслы, развивающиеся на данной территории 地職, и особенно на принудительную «трудовую повинность», охватывающую в Чжоу-ли и людей, и скот, и транспортный инвентарь: 均人牛馬車輦之九政. Однако цель здесь, как и у Мэн-цзы, заключается не столько в том, чтобы не было несправедливого неравенства в обложении между людьми, сколько в установлении строгого соответствия между условиями хозяйственной деятельности и нормами обложения. В зависимости от того, получен ли в данном году хороший, средний или плохой урожай, устанавливается обязанность отбывания в пользу князя (公) трех, двух или одного дня барщины в декаду. При катастрофическом неурожае отпадает не только трудовая повинность, но устраивается даже самая функция выравнивания — 不均地政. С другой стороны, предусматривается, что каждые три года происходит специальный «большой пересмотр» норм обложения и повинностей (大比), который в то же время есть и «да-цзюнь» (大均) — «великое выравнивание».

Наконец, в Чжоу-ли мы можем отметить еще одну линию, по которой развивается применение термина выравнивания: равномерное наделение землей крестьян. По формулировке Чжоу-ли, система равномерного наделения землей вводится лишь для того, чтобы облегчить задачи устойчивого управления (以土均平政). Это показывает, что для авторов Чжоу-ли пресловутая колодезная система отнюдь не была самоцелью. Она намечалась не для того, чтобы все крестьяне были в одинаковых экономических условиях. Такая постановка вопроса была совершенно чужда экономическим идеологам того времени. Земельное равенство все еще рассматривалось как частный случай строгого соблюдения норм.

²² В этой фразе говорится о применении «выравнивания» между отдельными княжествами, категориями чиновников и среди народа в целом.

Во всяком случае в Чжоу-ли идеология выравнивания является одним из господствующих мотивов. Однако это — идея частичного выравнивания, не подкрепленная общей теорией закономерности экономической жизни.

Следующим этапом в развитии идеологии выравнивания хозяйственных отношений является замена прежнего представления о «пинцзуне» близким ему «пинчжунем» (平準), которым Сыма Циань обозначил 30-ю главу «Исторических записок». Идея балансирования, которую Сыма Циань хочет, по-видимому, выразить своим «пинчжунем», отнюдь не является центральной в его изложении. Можно даже заподозрить, что это название главы исходит не от самого Сыма Цианя, а было вставлено позднее. Основное содержание главы сводится к описанию различных экономических мероприятий, из которых многие не имеют ничего общего с задачей балансирования экономики; особенно много места уделяется финансовым вопросам. Известное внимание посвящается и денежной политике Хань. Возможно, что именно это обстоятельство побудило назвать главу «Пинчжунь», так как впоследствии именно с вопросами денежного обращения стали связываться задачи регулирования и стабилизации хозяйства.

Высшую стадию развития понятия выравнивания представляет (отчасти уже упоминавшаяся) экономическая политика, приписываемая Ли Кую из княжества Вэй и выражаемая термином «пин-ди-фа» (平糴法). Идеи Ли Куйя невольно поражают нас своей зрелостью и продуманностью, если учитывать эпоху их возникновения. Ли Куй ставит политику накопления государством хлебных запасов в зависимость от степени урожайности данного года. Он различает три степени урожайности и три степени неурожайности. Ли Куй выражает степень урожайности или неурожайности в чисто количественных показателях и выводит размеры закупки или сбыта хлеба из этих количественных масштабов. Так, первая степень хорошего урожая дает четырехкратный избыток в 400 «ши» на одно «му». При таком урожае правительство должно закупить три единицы и оставить народу одну единицу. При урожаях меньшего размера закупки соответственно понижаются. Целью закупок объявляется приспособление запасов к потребностям народа, так что при достижении ценой нормального уровня покупки прекращаются. При неурожае первой степени власти должны выбросить на рынок то, что накоплено при урожае первой степени. При хлебной политике такого рода, по мнению, приписываемому Ли Кую, цена хлеба не будет никогда высокой.

Из предшествующего изложения нетрудно сделать вывод, что идеи выравнивания хозяйства непрерывно эволюционируют и что в высшей стадии их развития они довольно близко подходят к гуаньчжуновскому «цинчжун», т. е. стабилизации хозяйства. Понятие «пинчжунь» было весьма популярно в ханьскую эпоху. Можно лишь весьма условно высказать предположение о том, что впоследствии оно стало вытесняться «цинчжуном», когда последнее понятие приобрело характер центральной экономической идеи в правительственныех кругах. Однако неоднократно делались попытки сближения «пинчжуня» и «цинчжуна». Еще соблазнительнее возможность перебросить мост между идеями «Гуань-цзы» и ли-куевским «пин-ди-фа». Современный китайский автор У Чжао-синь указывает на родство обеих идеологий, отмечает одинаковость методов, но различает цели у «Гуань-цзы» и Ли Кую, подчеркивая стремление Ли Кую оказать своими мерами помощь крестьянству. Он делает особенное ударение на следующем тексте, приписываемом Ли Кую: «Если продаешь очень дорого, то это вредит людям, если очень дешево, это вредит крестьянству. Если наносится вред людям, то они рассеиваются. Если наносится вред крестьянам, то государство бедно. Поэтому очень дорого и очень дешево, по своей вредоносности, одинаково. Добродетельные и мудрые правители заботились о том, чтобы и людям не было ущерба и чтобы крестьяне могли работать с воодушевлением».²³

Параллель между «Гуань-цзы» и Ли Кую несомненно является поучительной. Однако несомненно, что «Гуань-цзы» представляет качественно новую и более высокую ступень экономической мысли. У Ли Кую мы находим замечательную попытку координации урожаев и хлебной политики правительства. Целью в конечном счете является та же стабилизация цен на хлеб. «Гуань-цзы» идет дальше. Он ставит вопрос о соотношении товарной и денежной массы. Его стабилизация, если вдуматься, ведет не к устранению колебаний цен одной группы товаров, а всей системы цен. Его идеология — это достижение устойчивости уровня цен за счет регулирования взаимоотношения товарной и денежной массы и устранения таким путем колебаний в самой денежной единице.

²³ У Чжао-синь (吳兆莘). Чжунго-шуй-чжи-ши (История китайской податной системы), стр. 27—28.

Мы видели, таким образом, что идеология экономического выравнивания прошла в своем развитии три этапа, которые символизируются трудами, известными под именами Мэн-цзы, Чжоу-ли и Сыма Цяня—Ли Кую. На последнем этапе эта идеология сплетается с новыми идеями «Гуань-цзы», которые ведут еще дальше, а именно к мысли о всеобщей стабилизации хозяйства. Переход от второго к третьему этапу это, в сущности, не простая эволюция мысли. Именно в этот период экономическое мировоззрение древних китайцев делает огромный скачок вперед, на фоне острого столкновения общественных идеологий. В процессе этой идеологической борьбы рождается более или менее законченная (конечно, по масштабу своего времени) система экономических понятий и вырабатывается своя продуманная терминология. Изучение литературных памятников показывает, что наиболее близкая система понятий и терминологии может быть обнаружена в «Гуань-цзы», с одной стороны, и в Цянь-Хань-шу, у Сыма Цяня и в Янь-те-луне, с другой. Влияние «Гуань-цзы» на другие названные сочинения не было поэтому искритическим переписыванием чужого текста, а именно сознательным восприятием системы понятий и терминологии. Отсюда ответственная задача переводчика древнего экономического текста: система терминов, применимых при переводе, должна быть строго продумана и соответствовать замыслам людей ханьской эпохи. В существующих переводах этот принцип соблюдается далеко не всегда. Синологам всегда казалось несомненным, что в центре внимания общественной мысли древнего Китая стояли нравственно-философские понятия, для которых весьма тщательно и подбирались современные эквиваленты. Поскольку экономика была на втором плане, для нее не искали законченной терминологии, а прибегали к использованию, так сказать, случайных понятий и слов, представлявших собой как бы «плывущие» термины, меняющиеся от текста к тексту. Думается, что изучение «Гуань-цзы» дает все основания для того, чтобы строить перевод на иных началах. Конечно, было бы наивно верить в то, что при Хань Китай обладал политической экономией в современном смысле этого слова. То были лишь первые робкие шаги в сторону науки. Однако огромным преимуществом «Гуань-цзы», благодаря которому он только и мог в такой мере повлиять на экономическую мысль ханьского периода, является склонность его авторов к введению в научный обиход ряда определений экономических понятий, которые при всей их неустойчивости давали основание для формирования

научных терминов. Положения «Гуань-цзы» чаще всего выражаются именно в афористической форме. Кроме того, самое построение этого труда, в котором князь Хуань все время вопрошает Гуань Чжуна о его мнениях по различнейшим экономическим вопросам, а Гуань Чжун дает посильные ответы, облегчало возможность извлечения из текста «Гуань-цзы» ряда определений и терминов, которые в тогдашней накаленной экономической атмосфере, очевидно, применялись в спорах и тем самым приобретали вполне сложившееся значение. Конечно, в отдельных названных памятниках можно найти немало различных вариантов этих определений и терминов. Но костяк терминологии все же сложился. Поэтому, чтобы довести до конца свой анализ путей влияния «Гуань-цзы» на экономическую мысль ханьской эпохи, я попробую воспроизвести здесь хотя бы наиболее существенную часть этих определений и терминов.

Заслуживает прежде всего быть отмеченным наличие в ханьскую эпоху целой системы понятий, возникших для обозначения острой классовой дифференциации и условий эксплуатации богатым классом бедняков. В «Гуань-цзы» обычно применяется для характеристики богачей-эксплуататоров термин, состоящий из 4 иероглифов: 富商蓄賈. В главе 83-й наряду с ними речь идет еще и о ростовщиках; так, князь заявляет о своем намерении поднять экономическую войну против 富商蓄賈稱貸家, т. е. «богачей-эксплуататоров и ростовщиков». Цянь-Хань-шу пользуется для обозначения того же понятия термином 商賈大者 или даже в такой наиболее близкой к «Гуань-цзы» форме—富商大賈. В Янь-те-луне мы находим 豪強大家. Наиболее характерным способом для выражения эксплуатации в ханьский период может служить уже приведенная цитата из Цянь-Хань-шу: 故大賈蓄家不得豪奪吾民. Термин 豪奪 и избран здесь для передачи мысли об эксплуатации. Постепенно начинает также складываться термин 兼并. Второй из этих двух иероглифов часто применяется в «Гуань-цзы» для обозначения нежелательной концентрации собственности в частных руках. Этот оттенок сохраняется и при присоединении иероглифа 兼. Однако уже в Цянь-Хань-шу мы находим такое место: 商人所呂兼并農人. Здесь явно идет речь об эксплуатации. В Цянь-Хань-шу говорится также о зле эксплуатации: 并兼之害, в Янь-те-луне: 并兼之路. Сочетание «цзянь-бин» или «бин-цзянь» затем сохраняется на много веков именно для обозначения купцов-богатеев и эксплуататоров, так что его можно поставить рядом с 豪奪. У Мабель Ли можно найти множество выдержек из поздней-

шей литературы, где речь идет о поглощении бедняков этими семьями богачей. Ли пользуется в переводе термином *eating up families*.

Ханьские экономисты придают также большое значение вопросам монополизации той или иной области хозяйства или приобретению контрольного влияния в экономике. Говорится, например, о захвате прибылей в такой форме: 專利;²⁴ или, когда речь идет о правительственном владении такой отраслью, как производство спиртных напитков, применяется термин: 酒權. Часто встречается также иероглиф 據, иногда также в таком словосочетании: 據幹. Однако чаще всего во всех источниках мы находим тот термин, который до сих пор наиболее характерен для понятия монополии—籠. В нем не всегда есть оттенок осуждения. В некоторых текстах он скорее всего должен выразить желательность установления правительственного контроля, чтобы обезопасить народ от эксплуатации. Можно думать, что один и тот же термин применяется для обозначения и частного захвата, которому приписывается отрицательное значение, и для установления одобряемого правительственного контроля. Так обстоит, например, с понятием «взятия в казну доходов от гор и морей». Тот же термин 管 получает иногда оттенок частного захвата.

Характерно для ханьской эпохи с ее развитыми товарно-денежными отношениями при относительно скромных масштабах производства, что в центре экономических понятий оказывается рынок (市). При этом удивительнее всего то, что с введением новой системы регулирования связывается какой-то переход от свободного рыночного оборота, который таит в себе ряд неудобств и вредных сторон, к регулируемому рынку, которому приписываются весьма существенные достоинства по сравнению со стихийными рыночными отношениями. Когда рынок предоставлен самому себе (это состояние обозначается Сыма Цянем термином 自市), то происходит жестокая борьба за товары, обращающиеся на рынке (爭物), и в результате этого оказываются неизбежными постоянные скачки цен (騰躍).

Приведенные экономические термины требуют известных комментариев. Во-первых, необходимо отметить, что для обозначения обращающихся на рынке благ экономическая литература ханьской эпохи чаще всего употребляют термин 物. Применяется также обозначение 貨物. Однако по мере роста

²⁴ Этот и следующие за ним термины имеют в своем значении оттенок монополии.

рынка и развития торговых отношений все чаще применяется понятие «10 тысяч живых существ» (萬物), которое имеет вполне определенный смысл в философской литературе и представляется какой-то аномалией, когда оно применяется экономистами для обозначения совокупности рыночных благ. Интересно, что в Чжоу-ли можно еще встретить для той же категории рыночных благ термин 百物 («бай-у»), т. е. «100 живых существ». Таким образом, можно предположить, что по мере увеличения масштабов рыночных операций пришлось перейти от 100 к 10 тысячам вещей. Отсюда следует, что Чжоу-ли представляет собой как бы более раннюю стадию в развитии экономических понятий, чем «Исторические записки». Разумеется, это отнюдь не значит, что можно только на основании этого наблюдения декретировать, что по времени написания Чжоу-ли предшествует Ши-цзы Сыма Цяня. Однако можно считать несомненным, что в экономическом тексте ханьской эпохи термин «валь-у» обычно обозначает именно массу благ, обращающихся на рынке.

Термин «чжэн» (爭) в смысле рыночного соперничества применен не случайно. Он встречается в ханьской литературе в этом значении часто. Особенно интересен следующий текст из «Гуань-цзы» (глава 3-я): 野與市爭民家與府爭貨金與栗爭貴鄉與朝爭治 — т. е. «земля и рынок соперничают из-за народа, частные семьи и казна соперничают из-за благ, металл и хлеб соперничают из-за дороговизны, уезды и двор соперничают из-за власти».

Характерно, что именно в условиях «регулируемой экономики», т. е. при применении системы «пинчжунь», колебания товарных цен должны прекратиться. Как аргументирует Сыма Цянь, в случае если правительство возьмет в свои руки аппарат воздействия на рынок, купцы уже не смогут реализовать громадных прибылей. Они вынуждены будут вернуться к «основному занятию», т. е. к земледелию, и тогда скачки цен прекратятся. Привожу соответствующий текст: 富商大賈無所牟大利則反本而萬物不得騰踊故抑天下物. Термин 抑 применен в этом тексте, чтобы оттенить достигаемое при системе «пинчжунь» устойчивое равновесие на рынке.

Интересно еще отметить, что скачки цен обозначаются различными биномами, неизменно содержащими, однако, иероглиф 躍. У Сыма Цяня мы находим, например, такой текст: 物踊騰躍. Смысл его таков: рыночные блага испытывают скачки цен при реализации.

Китайские авторы ханьской эпохи пытаются также выразить и те преимущества для народного хозяйства, которые

возникают благодаря системе регулирования рынка. В «Дискуссии о соли и железе» представитель правительства формулирует эти выгоды в следующих словах: 平準則民不失職均輸則民齊勞逸故平均輸所以平萬物. Английский переводчик этого памятника Гэл предлагает такую версию: «С уравновешивающим стандартом (balancing standard) народ будет предохранен от безработицы; с уравнительным рыночным торгом (equable marketing) народ получит поровну распределенный труд».²⁵ Конечно, в этом переводе Гэла нельзя не почувствовать известной модернизации китайского текста. И тем не менее китайские экономисты того времени действительно зафиксировали в нем две замечательных мысли. Первая из них заключается в том, что каждый человек будет заниматься каким-нибудь производительным делом, что не будет людей, оторванных от производительных занятий. Вторая обещает каждому производителю, что труд и отдых будут распределены равномерно между всеми. Таким образом, китайская экономическая литература ханьской эпохи выдвигает, в качестве лейтмотива, преимущества регулируемого рынка перед стихийным, считая преимуществами регулируемого рынка отсутствие острой борьбы за продаваемые на рынке блага, устранение скачков цен, устойчивое распределение труда между важнейшими отраслями производства. Едва ли нужно констатировать, что все эти суждения свидетельствуют о пे-редовом характере тогдашней китайской экономической науки.

Думается, наш анализ показывает, что признание «Гуань-цзы» поддельным документом не оказывает услуги синологической науке. Игра словами «настоящий» и «поддельный» или «псевдо-Гуань-цзы» оказывается не очень-то плодотворной. К сожалению, исследователи нередко ограничиваются признанием поддельности памятника, чтобы вслед за этим потерять к нему всякий интерес. Едва ли это правильно. Если мне удалось доказать, что идеология «Гуань-цзы» была действенной в ханьскую эпоху в значительной мере именно в той форме, в какой она фигурирует в современном тексте этого сочинения, то это показывает, что костяк памятника существовал в ханьскую эпоху и оказывал влияние на направление экономической политики. Это оправдывает наш интерес к нему. Можно думать, что из современного текста

²⁵ «Discourses on salt and iron» by Esson Gale. Leyden, 1931, стр. 10.

памятника лучше всего сохранилась глава 73-я и предшествующие ей, начиная с 68-й. Думается, мне удалось также показать, что периодом, когда «Гуань-цзы» стал наиболее популярной экономической идеологией, было время примерно около 115—80 гг. до н. э. (хотя возник он значительно раньше).

Разбор некоторых особенностей труда «Гуань-цзы» дает основание сказать, что филологическое изучение текста памятника становится особенно убедительным тогда, когда оно сплетается в одно целое со смысловым анализом, с изучением исторической эпохи, породившей проблемы, наиболее сильно звучащие в исследуемом памятнике. В этом плане «Гуань-цзы» представляет выдающийся интерес, если наложить его идеологический рисунок на общий фон развития общественной мысли древнего Китая. Наблюдая за тем, как изменялись экономические проблемы, к которым было приковано общественное сознание под влиянием тех или иных сдвигов в классовой борьбе, можно отметить в развитии идеологии Китая следующие этапы. Следы первой оживленной дискуссии по социальным вопросам мы можем установить в Китае лишь в период Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Для этого периода характерно, что общественные устои феодального строя еще не окрепли и не застыли и подвергаются постоянному сомнению. Наиболее острые споры рождают три проблемы.

Во-первых, каждый из крупных мыслителей того времени считает необходимым как-то откликнуться на обсуждение вопроса о возникновении общества и о дообщественном состоянии, причем в зависимости от принадлежности к той или иной философской школе в этих высказываниях отражается целая гамма взглядов о положении общества до возникновения государства, от изображения его в стиле Гоббса — войны всех против всех, — наиболее близкого легистам, и до «земного рая» у Лао-цзы, сближающего даже людей и животных в одну идиллическую семью.

Во-вторых, с исключительной страстью дискутируется вопрос об отделении умственного труда от физического, причем в этом отделении видят важнейший признак престанавливающегося деления на классы. Своебразный протест против усиливающегося общественного неравенства на почве отделения умственного труда от физического выражается в стремлении известной категории лиц «опроститься», отказаться от погони за земными благами и найти уладу на лопе природы, в условиях деревенской идиллии.

В-третьих, впервые общественная мысль подчеркивает значение писанного закона для благоустройства общества, и возникает острые дискуссии о предпочтительности построения идеального общественного строя на «святом законе» или «святом человеке». Самый характер этих проблем таков, что они свидетельствуют о еще не сложившихся, колеблющихся общественных отношениях. Это не мешает, впрочем, удивительной тонкости и глубине мысли в ведущейся дискуссии.

Позднее, в ханьскую эпоху, характер споров резко меняется. Сомнений в том, как должна выглядеть классовая структура феодального общества, более не остается. Весь пыл полемики и общественной борьбы переносится в плоскость конкретных мероприятий по улучшению экономики страны. С этого времени в общественной идеологии выявляются две важнейшие структуры: одна идет по линии государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, в целях ослабления классовых противоречий и смягчения неравенства путем регулирования рыночных процессов, вторая хочет разрешить ту же проблему посредством передела земли и установления равномерного землепользования. Ханьская эпоха насыщена проявлениями и воплощениями первой идеологии. Что же касается аграрного персустстройства, то в ханьскую эпоху можно отметить лишь изолированную попытку Ван Мана, тогда как известную роль в общественной идеологии борьба за передел земли начинает играть после ханьской династии.

Если исходить из такого понимания общественной канвы китайской древней идеологии, нетрудно понять место, какое должен в изложении эволюции идеологии занимать «Гуань-цзы». Хотя отдельные отклики на проблематику времен Мэн-цзы в нем и можно найти (например, суждения о до-классовом состоянии), но в целом труд «Гуань-цзы», особенно в разделе «Цинчжун», знаменует несравненно более развитый этап. От общих рассуждений на тему об оправданности классовой эксплуатации, так остро звучащих у Мэн-цзы, «Гуань-цзы» переходит к подробному и всестороннему, глубокому анализу конкретных мероприятий экономической политики. В поле зрения «Гуань-цзы» прежде всего стоит вопрос о регулировании рынка. В этом основное содержание труда. По своей тематике он ближе всего отражает дух ханьской эпохи.

Таким образом, можно думать, что филологический анализ, на котором Карлгрен строит в основном свое определение «возраста» литературных памятников, период написания

которых в точности не установлен, имеет, конечно, большое значение, но им не исчерпываются возможности, открывающиеся перед учеными, которые заняты проблемами этого рода. Для датировки памятников ценным орудием должно также явиться изучение тематики и терминологии памятника. Анализ особенно облегчается в тех случаях, когда можно провести сравнительный анализ данного текста с текстами аналогичного содержания и примерно той же эпохи, время написания которых известно более или менее точно.